

DOI 10.32726/2411-3417-2019-4-56-81

УДК 94; 327

Альбина Носкова

Геополитические интересы СССР, проблема советизации Восточной Европы и советско-польские отношения (40-е годы XX в.)

Аннотация. В статье в геополитическом контексте анализируется советская политика в отношении Польши в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. Представлена борьба советской дипломатии за будущую взаимообусловленную безопасность СССР и Польши. Раскрываются не совпадавшее понимание советскими и польскими лидерами интересов, геополитической роли, союзников и границ двух стран, а также неравные возможности их реализации. Автор доказывает, что советская концепция тех лет и выполнение СССР роли гаранта безопасности и границ Польши предполагали не советизацию ее общественного строя, а устранение антисоветских сил и участие во власти сторонников демократии и коммунистов.

Ключевые слова. СССР, Польша, Вторая мировая война, национально-государственные интересы, послевоенная безопасность, советизация, геополитика, границы Польши, польское правительство в эмиграции, дипломатия, «Большая тройка», Армия Крайова, освобождение от нацизма, народная демократия.

В бурные 1990-е — начале XXI в., одной из активно обсуждаемых проблем стала советская внешняя политика. Шел процесс накопления документального материала, в том числе и специалистами по истории стран Восточной Европы. Казалось бы, многочисленные тогда публикации советских документов должны были снизить накал научных дискуссий. Но происходило другое: новые знания стимулировали полемику о стратегических целях СССР, о методах и средствах осуществления замыслов, автором которых был в первую очередь И.В. Сталин.

Упорные дискуссии шли о политике СССР в странах региона во время Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. Их отзвуки слышны и теперь. Историки задавались вопросом: что же было целеполагающей мотивацией для Сталина и внешнеполитического ведомства во главе с В.М. Молотовым? Одни полагали и полагают, что генеральный интерес состоял в обеспечении безопасности послевоенных границ страны через военно-политическое присутствие в регионе, сохранности государства, советского режима при укреплении личной власти Сталина, превращении СССР в сверхдержаву. В рамках такого подхода, концепции мировой революции в 20-е годы, коллективной безопасности в 30-е, «пояса безопасности» и сферы советского влияния

Сведения об авторе: НОСКОВА Альбина Федоровна — главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, доктор исторических наук; noskova.albina@rambler.ru.

на исходе войны, народной демократии и национальных путей к социализму в 40-е и, в конечном счете, «социализм по Сталину» в 50-е годы XX в. выступали разными, обусловленными теми или иными объективными обстоятельствами, инструментами поэтапного решения одной сверхзадачи [См. подр.: Волокитина, Мурашко, Носкова Народная демократия...; Волокитина, Мурашко, Носкова, Покивайлова Москва и Восточная Европа...].

Причем выбор того или иного средства, в том числе и формы политического режима, диктовался не доктринальными пристрастиями Кремля, а внешнеполитическими возможностями СССР, его внутренними резервами в каждой из стран региона. Учитывались настроенность разных групп национальных элит принять ориентацию на СССР наряду с привычной ориентацией на Запад, их отношение к СССР и, что существенно, «порог» распространения антисоветских или просоветских настроений в стране.

При таком подходе фигура советского диктатора вовсе не выглядела одномерной, реализующей в регионе любой ценой идеологическую доктрину построения социализма по советскому образцу. К Сталину с полным основанием могут быть применимы такие определения, как жестокий, по-восточному хитрый, властолюбивый, беспощадный, циничный, коварный деспот, архисложный партнер по антигитлеровской коалиции. Но одновременно, по оценке известного американского политика и дипломата того времени Дж. Кеннана, он был политическим реалистом, обладавшим «бездной расчетливости», «дьявольским искусством тактика», «великим искусством управлять», «одним из самых удивительных людей в мире» [Дипломатия Второй мировой... с.181–182]. Добавим: человеком, решившим сложнейшую геополитическую задачу создать-таки в Европе «пояс безопасности» для СССР. По словам современного польского историка Э. Дурачинского, Сталин «построил великую империю, военную сверхдержаву, принимающую — наряду с другими — решения о судьбе мира, чего не удалось сделать его лучшим предшественникам, сидевшим на российском престоле... и апологеты, и критики, а также разоблачители Сталина, не говоря уже об авторах, стремящихся к объективности, интересуются этой фигурой не случайно. Все они причисляют его к очень узкому кругу политиков, навсегда оставивших свой след в истории XX века» [Дурачинский, с. 813]. Трудно не согласиться.

Закономерен вопрос: не поэтому ли тиран, на чьей совести тысячи и тысячи жизней, в том числе и невиновных соратников, до сих пор привлекает внимание миллионов? Может быть, причина интереса к этому персонажу советского прошлого в многоликости, множественности его ипостасей при сохранении некой таинственности образа?

В научных дискуссиях 1990-х годов ряд известных специалистов по истории стран региона активно представляли еще один подход. Они считали, что Сталин руководствовался единственной идеей привнесения мировой революции на Запад, а применительно к странам Восточной Европы — идеей коммунизации, или советизации региона. Все же остальное — народная демократия, национальные пути к социализму — лишь камуфляж, тактика, лавирование, обман, пропаганда. Отсюда и образ Сталина как ско-

рее политического обманщика, чем расчетливого политика, осознающего объективные пределы возможного [«Круглый стол»...].

Истины ради надо добавить, что сторонники этой точки зрения в начале XXI в., под влиянием большого числа новых документов, прошли определенную эволюцию, склоняясь к признанию, что в практической сталинской политике цели мировой революции и обеспечения послевоенной безопасности государства оказывались неразделимы, сливались в единое целое. В этом плане можно говорить о сближении позиций и специалистов по истории стран Восточной Европы [См. напр: Гибианский].

В качестве подтверждения той точки зрения, что стратегические цели СССР в регионе были исключительно идеологически мотивированными и состояли в принуждении к социализму, а не обуславливались конкретными внешними и внутренними обстоятельствами, нередко приводится советская политика в отношении Польши. Действительно, Сталин в годы войны сделал ставку на польских коммунистов. В первую очередь именно им, своим единомышленникам, хотя и не только им, он доверил власть в этой стране при ее освобождении от гитлеровцев Красной армией.

Был ли тогда актуален для Сталина курс на советизацию региона и — конкретно — Польши? Наш ответ: задача была другой. Передача власти слабой коалиции левых сил была для Москвы единственно возможной и продиктованной плохими отношениями с легитимным польским правительством в эмиграции. Этот выбор отвечал решению генеральной задачи советского руководства — обеспечению безопасности СССР и всего региона на западном направлении. Сталину требовалась Польша, с любым общественным строем, но союзница в предотвращении новой агрессии против СССР и самой Польши. Ради этого в конце войны он поначалу имел дело с маргинальными, но надежными польскими политиками, а не с крупными деятелями, далекими от симпатий к коммунистам, как бывало в других странах региона [См. подр.: Волокитина, Мурашко, Носкова, Покивайлова Москва и Восточная Европа...].

Причина такого решения не связана с выбором социализма или капитализма в Польше (как и в регионе в целом). Она состояла в резком расхождении представлений советской и польской элит о коренных национально-государственных интересах двух стран и способах их обеспечения в послевоенном мире. Важнейшее значение имело разное понимание советскими и польскими руководителями необходимого геополитического, в том числе и территориального, переустройства для пресечения возможной агрессии Германии против европейского Востока и конкретно против СССР и Польши. В вероятности повторения 1939 г. были в ту пору уверены многие политики и на Западе, и на Востоке континента. К тому же многие понимали, что освобождение от гитлеровской оккупации (в одних случаях) или зависимости от Германии (в других) идет с востока и с этим надо считаться. Польская элита же, не хотела принять эту объективную данность и договариваться со Сталиным.

Географическое положение Польши в центре региона, где пролегает самый короткий путь с Запада на Восток и в обратном направлении, придавало ей особую военную

и геополитическую значимость. Отметим, что Польша, в лице правительства в эмиграции, после вступления Красной армии на территорию ее восточных воеводств в сентябре 1939 г. не объявила войны СССР, но считала себя в состоянии войны с ним. Установленная тогда с учетом этнического принципа советско-польская граница по «линии Керзона» не была признана не только польским эмигрантским правительством, но и его главными союзниками — Великобританией и США, которые, однако, не подтверждали гарантии восстановления довоенных границ Польши после войны [См. подр.: Носкова Советско-польские отношения...]. В 1940 г. предпринимались некоторые действия по налаживанию контактов между польским правительством в Лондоне и советским руководством, но на совпадение национально-государственных интересов двух стран поляки отреагировали лишь после нападения Германии на СССР. Обоюдная заинтересованность в скорейшем разгроме Германии ставила вопрос военного взаимодействия против общего врага, заслонив на время спор за многонациональные западноукраинские и западнобелорусские земли, отнюдь не исчезнувший с подписанием в июле 1941 г. Соглашения о границе и сотрудничестве против Германии.

В декабре 1941 г. в ходе визита польского премьера генерала Владислава Сикорского в Москву был принят ряд конкретных решений о военном сотрудничестве [См. подр.: Парсаданова. Варшавское восстание... ч. 1, с. 58–92]. Во время обмена мнениями о возможной новой германской агрессии, обеспечении безопасности в Европе и границах послевоенной Польши прозвучало предложение Сталина: урегулировать территориальный спор о землях восточных «кресов» (как в Польше именовали советскую Западную Украину и Западную Белоруссию), и тем самым принципиально изменить характер советско-польских отношений. В обстановке благожелательных в целом переговоров Сталин предложил Сикорскому следующий вариант перемещения границ Польши с востока на запад: ее западная граница проводится по р. Одер, Восточная Пруссия отходит полякам, а советско-польская граница 1941 г. лишь корректируется — в частности, допускалось включение г. Львова в состав Польши. Сталин рассчитывал на предварительные договоренности по этой «линии Керзона». Но генерал уклонился от обсуждения сталинского предложения, поскольку к тому времени в польском руководстве уже сложилось твердое намерение восстановить довоенную границу на востоке [Duraczyński, s. 135–137]. Расчет делался на победу западных союзников и как минимум военное изнеможение СССР в противостоянии Германии.

Прибывшему вскоре в Москву министру иностранных дел Великобритании А. Идену тоже была представлена концепция компенсации потерь Польши на востоке территориальными приращениями на западе и расширением польского выхода на Балтику за счет побежденной Германии. Правда, в этом варианте советско-польская граница выглядела вариативно: на востоке она соответствовала линии 1941 г, но «за исключением районов с преобладающим польским населением»; Львов передавался Польше при условии сохранения советскими Белостока и Вильно (Вильнюса) «или наоборот»; предполагалось «расширение территории Польши за счет не всей, а только западной части Восточной Пруссии» [Ржешевский, с. 44, 50]. Такая схема отодвигания довоенной границы на запад отражала остававшиеся почти неизменными советские представления об условиях национальной безопасности на польском направлении.

Иден, однако, не выказал интереса к предложению Сталина. Главная союзница поляков и теперь, когда положение СССР было тревожным, а ход войны и ее итоги — малопредсказуемы, отказывалась подтвердить довоенную восточную границу Польши. Одновременно Великобритания уходила от обсуждения ее западной границы и от главного — фактически предлагавшегося признания советской границы 1941 г. Тем не менее министр не мог не понять рассчитанный на будущее замысел Москвы: послевоенная безопасность СССР связывалась с Польшей, выдвинутой вглубь Центральной Европы. Позднее он так выразил смысл слов Сталина: «Цель русских была уже твердо определена. Она лишь незначительно изменилась в последующие три года и заключалась в том, чтобы обеспечить максимальные границы будущей безопасности России» [Там же, с. 54].

Нетрудно предположить, что в рамках этой концепции Сталин видел Польшу геополитическим партнером, заинтересованным в не меньшей, если не большей мере в совместном обеспечении безопасности западных границ. Сталину была нужна невраждебная соседняя страна, лучше — состоящая в союзе с СССР. В пользу этого тезиса упомянем не принятое Сикорским предложение Сталина развить Соглашение от 30 июля 1941 г. о военном сотрудничестве в ходе войны до уровня послевоенного союзного договора.

Боевой генерал и опытный политик Сикорский разглядел глубинный смысл предложенного Сталиным: невраждебная СССР послевоенная власть в Польше и советские гарантии безопасности ее западных границ в случае победы СССР. Но в польском руководстве представляли будущее по-иному: после победы над Германией англо-американской и польской армий (в чем поляки тогда были уверены) и выведения СССР из «игры» сложатся международные условия для возвращения из эмиграции правительства, созданного коалицией политиков, сплоченных трагедией сентября 1939 г., и будет восстановлена власть довоенного политического класса [Duraczyński, s. 223–227]. При этом территория страны изменится. На востоке ее безопасность обеспечат возвращенные западные районы Белоруссии и Украины, часть Литвы (Виленский край) с ее столицей (польским по составу населения городом Вильно), приобретенные силой оружия в 1920–1921 гг. На западе граница пройдет по линии Одера, включая порт Щецин, балтийское побережье и всю Восточную Пруссию. Эти границы обеспечат США и Великобритания, которые станут гарантами безопасности польского государства и его послевоенных границ¹.

Отметим, что обретение такого геополитического положения Польши в Европе предвещало как внутреннюю уязвимость восточных воеводств, где польское население, составляя менее 30%, имело всю полноту власти, так и противостояние Москве в деле отстаивания их принадлежности. В случае же победы СССР над Германией такое противостояние могло поставить Польшу в центр возможного военного конфликта, по меньшей мере в данном регионе. Во избежание этого польское руководство рассчитывало, договорившись с Чехословакией, создать в регионе антисоветскую по за-

1 В конце 1942 г. Сикорский признавал: Сталин «вел речь о небольшой корректировке границы и предлагал более тесный союз, я не согласился ни на какую дискуссию по вопросу границ». Великобритания и США, надеялся Сикорский, «в конце концов принудят советское правительство признать наши права на востоке» [Цит. по: Парсаданова Советско-польские... с. 66].

мысли конфедерацию «малых» стран Восточной и Юго-Восточной Европы для противостояния «наступлению большевизма». Но чехи не поддержали польские намерения. Постепенно определилось и негативное к замыслу поляков отношение не только СССР, но и Великобритании [См. подр.: Марьина Второй президент... с. 325–337, 340, 341].

Неудачная попытка договориться о границах с польским правительством в конце 1941 г. не остановила стремление СССР продвигать этот вопрос в «Большой тройке», с польским участием или без оно. Очередная попытка была предпринята в мае–июне 1942 г. в ходе визитов В.М. Молотова в Лондон и Вашингтон. Беседы с У. Черчиллем, как доносил нарком Сталину, создавали «впечатление, что Черчилль выжидает событий на нашем фронте и сейчас не торопится договариваться с нами». Посол СССР в Лондоне И.М. Майский писал в Москву, что президент Ф. Рузвельт, по словам побывавшего в США А. Идена, понимает «необходимость для СССР такой границы, которая гарантировала бы от повторения германского нападения через 10–15 лет, ... [и] готов на 100% облегчить нам (СССР — А.Н.) получение такой границы, но после войны». Тем же закончилось обсуждение проблемы в беседе Молотова с Рузвельтом 29 мая 1942 г.: «...для постановки этого вопроса нужно избрать соответствующий момент, который еще не наступил». 10 июня 1942 г. нарком еще раз услышал от Черчилля, что тот «всегда отказывается обсуждать с поляками вопрос о границах», который «станет ясным, когда Германия потерпит поражение» [Майский, кн. 2, ч. 2, с. 104, 108–109, 115; Ржешевский, с. 139, 211, 333].

Иными словами, позиции главных союзников СССР по антигитлеровской коалиции не внушали Москве больших надежд на скорое признание ими границы 1941 г. в ситуации, когда на советско-германском фронте стратегической инициативой владел вермахт, а немецкие войска нацеливались на Сталинград и Кавказ. За словами глав Великобритании и США крылось: пусть Красная армия воюет, а мы потом посмотрим, где устанавливать границы Польши. Последовала реакция Сталина: «Вопрос о границах, или скорее безопасности наших границ на том или ином участке нашей границы, будем решать силой» [Ржешевский, с. 157].

И сила была применена победно под Сталинградом, на что Германия ответила информацией о расстреле весной 1940 г. польских военнопленных в Катынском лесу под Смоленском, а польское правительство в эмиграции — политической истерикой, закончившейся, тем не менее, отзывом его заявления в Международный комитет Красного Креста с просьбой расследовать вопрос [О ходе кризиса в отношениях советского и польского правительств и позициях лидеров западных держав см.: Советский Союз... т. 1, ч. 1, док. № 4, 6, 7, 9 16, 18–54 и др.].

Правда, возникли временные осложнения в отношениях Черчилля со Сталиным, который уже был равным в «Большой тройке»¹. Вопреки просьбам Черчилля не делать

1 Об этом накануне визита в США весной 1942 г. А. Иден говорил И.М. Майскому: он «произведет зондаж в США по различным, интересующим три державы вопросам», чтобы «разъяснить американцам, как важно активное участие СССР на правах абсолютного равенства в разрешении всех послевоенных проблем» (подчеркнуто мной. — А.Н.) [Цит. по: Советско-английские отношения... с. 350–351].

резких движений в адрес польского правительства, последовала нота СССР о прерывании дипломатических отношений с ним. Развитие кризиса показало, что ни Черчилль, ни тем более Рузвельт не относили интересы польского правительства и его территориальные споры с Москвой к своим приоритетам. Для них основной задачей был разгром вермахта, в первую очередь усилиями Красной армии. В этом состоял смысл их поддержки СССР. В свою очередь, для Сталина архиважной целью на военный и послевоенный период было единство усилий всей «Большой тройки». Поэтому в новых условиях, после побед Красной армии под Сталинградом, а затем на Курской дуге, советская сторона, руководствуясь долгосрочными интересами, вовсе не считала окончательным прекращение отношений с законным правительством Польши. И В. Сикорский накануне своей гибели 4 июля 1943 г. публично говорил о намерении посетить Сталина и совершить «принципиально важный, конструктивный поворот в советско-польских отношениях, смирившись с изменением восточных границ Польши» [Цит. по: Яжборовская, Яблоков, Парсаданова, с. 164], что означало продолжение диалога двух правительств.

Однако, учитывая предстоявшее вступление на польскую землю Красной армии, советское руководство летом 1943 г. уточнило субординацию своих приоритетов на польском направлении, отложив вопрос о границе на второй план. Теперь условием нормализации отношений становилось изменение персонального состава польского правительства, способное обеспечить его благоприятный и безопасный для СССР внешнеполитический курс. Правда, новое правительство во главе с политиком демократического направления Ст. Миколайчиком, вынужденного оставить в кабинете тех, кто активно использовал немецкую информацию о Катынском расстреле и выражал враждебность к СССР, больших надежд на такой курс не давало. Сдерживала Москву и регулярно поступававшая от внешней разведки информация о подготовке командования партизанских сил польского подполья («Армии Крайовой», АК) не столько к борьбе с гитлеровцами, сколько ко всеобщему восстанию в канун вступления Красной армии на территории довоенной Польши. Речь шла об упреждающем восстановлении власти подпольных польских структур и недопущении появления в Польше просоветского режима. Восстание задумывалось «исключительно с целью показать всему миру нежелание населения принять советский режим» [Очерки... с. 464; См. подр.: Советский Союз... т. 1, ч.1, док. № 117, 128, 131, 136, 138, 141–143, 148, 150, 152, 154 и др.].

Между тем еще весной 1943 г. Сталин, предпочитавший вариативно и сдержанно «работать» на польском направлении, согласился на создание польской эмиграцией в СССР Союза польских патриотов — общественной организации для помощи польскому населению. Тогда же по инициативе группы офицеров — этнических поляков и с согласия СССР началось формирование польской пехотной дивизии в составе Красной армии. Осенью 1943 г. эта дивизия воевала под Смоленском. С согласия советского руководства велась подготовка к созданию в Москве польского политического центра. Постепенная дозированная активизация левой и демократической части польской эмиграции происходила при руководящем участии поляков-коммунистов, идеологических единомышленников советской стороны. Обозначилась перспектива возможного оформления другого польского военно-политического партнера, способного к взаимодействию с СССР [См. подр.: Носкова Сталин...].

Однако эта работа была приостановлена по ряду причин, в том числе внутривосточных.) На территории оккупированной Польши оформились два лагеря антигитлеровского военно-политического сопротивления. Правительственный лагерь создавали и фактически возглавили еще в 1939–1940 гг. соратники Ю. Пилсудского — генералы и офицеры Войска Польского, а также руководители довоенных политических партий. Они представляли консолидированные общей борьбой за независимость силы (как правившие, так и оппозиционные, в том числе демократически настроенные), что приносило этому лагерю поддержку большинства населения. Западные державы признавали эти силы.

Другой, альтернативный правительственному, лагерь сопротивления гитлеровцам объединял немногочисленных левых и близких им демократически настроенных поляков. Его возглавляла действовавшая с 1942 г. в подполье партия польских коммунистов, которая выступала за взаимодействие с СССР и считала законными советские претензии на довоенные польские «кресы». В конце 1943 г. этот лагерь приступил к созданию в подполье «своих» органов власти. На него ориентировались и лидеры польской эмиграции в СССР, на его стороне было советское руководство. Но реальная поддержка этих дружественных СССР сил оставалась весьма скромной, в том числе и по причинам международного характера [См. подр.: Парсаданова В. С. Варшавское восстание... ч. 1, гл. 2, с. 119–188; Там же, гл. 3, с. 119–162].

В Кремле не исключали возможность восстановления отношений с польским правительством в Лондоне, за что, оглядываясь на успехи Красной армии и вероятность ее вступления в Польшу, ратовали Черчилль и Рузвельт. По словам английского историка Н. Дэвиса, это подталкивало их к отказу от сомнений в «выносливости» Красной армии и к заблаговременному распределению «сфер ответственности» «узким составом» [Devis, s. 41, 86–87, 384].

Инициатором трехсторонней встречи на высшем уровне был Ф. Рузвельт, который на конференции в Тегеране дважды, 28 и 29 ноября 1943 г., предлагал «обсудить с маршалом [Сталиным] вопрос о будущем устройстве мира». Он же 1 декабря 1943 г. подтвердил: «мы должны восстановить некоторую Польшу, и я лично не имею возражений, чтобы границы Польши были урезаны на Востоке и увеличены на Западе вплоть до Одера... Мне нравятся идеи маршала Сталина в этом отношении...». Со своей стороны, Черчилль в тот же день с помощью трех спичек показал польские границы, которые «должны быть передвинуты на Запад, чтобы решить одну из главных задач, стоящих перед союзниками, — обеспечение западных границ Советского Союза» [Советский Союз... т. 1, ч. 1, с. 350–352, прим. № 22, 223, 226].

Договоренности лидеров «Большой тройки» в Тегеране по послевоенным границам Польши в целом соответствовали концепции, предложенной Сталиным в декабре 1941 г. Начиналось преодоление польского «препятствия» на пути к достижению геополитической безопасности СССР. Что касается вопроса о польском правительстве, Сталин вновь высказал «готовность начать с ним переговоры», намекнув на необходимость перемен в его составе для избавления от членов кабинета, которых в Москве считали наиболее враждебными СССР [Ржешевский, с. 397].

Судить о том, каких перемен добивался Сталин от поляков, позволяет договор, подписанный вслед за конференцией в Тегеране Сталиным и президентом Чехословакии Э. Бенешем. Союзные отношения устанавливались с законным представителем соседней страны, которая по своей инициативе соглашалась передать СССР территорию, населенную русинами (Бенеш называл их «украинцами») — тем самым Сталин продолжал объединять этот народ в пределах УССР. В высшей степени важной для советского руководства была договоренность о создании в послевоенном чехословацком государстве правительства единого фронта с участием коммунистов [Советский Союз... т.1, ч.1, с. 417–420; подр. см.: Марьина Второй... с. 224, 232, 238–247; её же. Закарпатская Украина...]. Соответствуя геополитическим интересам двух стран, договор мог рассматриваться в Кремле как оптимальное внешне- и внутривосточное решение проблемы безопасности на германском направлении. Но польское правительство в Лондоне не допускало подобных принципов урегулирования отношений, что в Москве объясняли давлением на премьера Ст. Миколайчика правых националистов. На лишении их властных постов и настаивал Сталин в Тегеране.

3–4 января 1944 г. части Красной армии начали бои за освобождение земель, которые польское правительство считало своими, а Москва — территорией УССР и БССР. Настало время реализации Тегеранских договоренностей, и на первые месяцы 1944 г. пришелся крупный дипломатический конфликт с участием Сталина, Рузвельта и Черчилля. За спором о польских восточных «кресах» стоял вопрос, будет ли Польша принадлежать к геополитическому Востоку (Сталин) или к геополитическому Западу (Черчилль, Рузвельт). Миколайчик боролся за сохранение «кресов» и ориентацию на Запад, не имея, однако, английских гарантий польских довоенных границ. Черчилль усердствовал, используя шанс «посражаться» со Сталиным за свою союзницу, но его ограничивало понимание, что советские войска уже находятся на спорных землях и вряд ли оттуда уйдут. Поэтому он убеждал поляков принять «линию Керзона» без Львова «не только как необходимость», а «с энтузиазмом». Зная, что СССР не допустит возвращения в Польшу эмигрантского правительства **в том составе**, в котором оно существовало в тот момент, Черчилль спасал его международную субъектность в принципе, спрашивая, «будет ли разрешено вернуться [в страну] и создать правительство на более широкой основе». Сталин настаивал на предварительном удалении из правительства ряда лиц, на что Миколайчик не соглашался [Переписка... т. 1, с. 193–195]. Но после договоренностей в Тегеране вся дальнейшая переписка Черчилля с Москвой по этому вопросу и поднятый поляками шум в прессе были напрасными. 23 марта 1944 г. Сталин в послании Черчиллю фактически подвел черту под обсуждением границы с Польшей [Переписка... т. 1, с. 213–215, 397].

Возникает вопрос: почему польское руководство в Лондоне и в подполье на местах, куда пришла или подходила Красная армия, отстаивали довоенную территорию, не допускали даже малейших уступок, рискуя при этом судьбой самого польского правительства?

17 марта в депеше подпольному руководству Миколайчик это объяснял так: «...во всей польско-советской полемике Польское правительство стремилось таким образом

повернуть политический спор, чтобы ответственность за его продолжение, а тем более обострение была возложена не на Польшу, а на СССР. ...Мы решительно стояли и стоим на позиции отказа от предопределения чего-либо негативного в отношении восточной границы... Наша тактическая цель — избежать изоляции Польши и раскрыть злую волю СССР, его полную ответственность за конфликт, а также его далеко идущие империалистические планы — была, несомненно, достигнута... речь не идет о той или иной части государственной территории..., речь идет вообще о независимом существовании Польши, а также о проникновении СССР через Польшу вглубь Европы» [Советский Союз... т. 1, ч. 1, с. 656–657].

Но тогда никто не ставил под сомнение восстановление независимости Польши, и польский политик отчаянно «спорил» не об этом. Он искал аргументы, чтобы не допустить исчезновения кабинета, дабы, по меньшей мере, отложить возникновение такой ситуации, когда и правительство и он сам будут не нужны полякам, на что позже указывал и Черчилль. Миколайчик приравнивал это к крушению власти довоенного политического класса и всей уже детально оформленной концепции геополитической безопасности страны: на западе — получение восточных провинций Германии до р. Одер, балтийского побережья начиная от Штеттина и Восточной Пруссии; на востоке концепция имела откровенно захватнический характер в отношении Литвы, Белоруссии и Украины [См подр.: Советский Союз... т.1, ч. 1, с. 189–190, 420–428]. Ее реализация означала бы польский «удар» и по Германии, что было почти гарантировано «Большой тройкой», и по СССР, что весной 1944 г. стало уже весьма сомнительным замыслом.

Для реализации своих намерений польская сторона предполагала использовать «внутренний фактор» — подчиненные правительству подпольные военно-политические структуры. Они предлагались союзникам, а союзниками — Сталину в качестве представителей польской власти на освобождаемых Красной армией от гитлеровцев бывших территориях Польши. Особая роль в геополитическом противостоянии с СССР на местах отводилась командованию и отрядам АК. Эти партизанские силы объявлялись вооруженным партнером Красной армии в борьбе с вермахтом¹.

Тактические приоритеты польской стороны менялись по мере того, как задача изгнания немецких оккупантов для командования АК смещалась на второй план, уступая место важнейшей цели — явочным порядком восстановить права Польши на бывшие «кресы». С первых лет войны тезис «сохранить кресы» многократно фиксировался в политических документах польского правительства и подпольного руководства, но до поры до времени СССР считался «врагом № 2». Теперь он становился «врагом № 1», и задача противостояния его намерениям восстановить советскую власть в Западной Украине и Западной Белоруссии встала для АК в практическом плане. Не умаляя усилий партизан Армии Крайовой в борьбе против гитлеровских оккупантов, хотя и серьезно завышенных в отчетах АК [Советский Союз... т. 1, ч. 1, с. 177–183; Там же, т.1. ч. 2,

1 Президент Рузвельт отнесся к этой польской затее с иронией, Сталин его понял [Советско-американские отношения... т. 2, с. 21–22].

с. 75]¹, надо отметить другое: в условиях 1944 г. при неизменности геополитических целей польского руководства происходила трансформация антигитлеровского подполья в антисоветское — сначала на западных советских землях, а с лета 1944 г. и на территории этнической Польши.

Антисоветский геополитический замысел был заложен в основу согласованного правительством и командованием АК и утвержденного еще осенью 1943 г. плана «Буря». Речь шла об организации силами партизан АК и сотен тысяч поляков-ополченцев постепенного, но самостоятельного освобождения от немцев территории, начиная с «кресов», (всеобщего восстания) и утверждения власти созданных в подполье военно-политических и гражданских структур, именуемых «подпольным государством». Все это предполагалось реализовать накануне или во время вступления Красной армии в польские города и небольшие населенные пункты. Цель состояла в том, чтобы в любом случае воспрепятствовать установлению советской или просоветской польской власти [Тексты плана «Буря» см.: Советский Союз... т. 1, ч. 1, док. № 131, 138, 142, 150, 152, 154, 155 и др].

Однако из-за стремительного продвижения советских войск ситуация на территории «кресов» развивалась по иному сценарию. Стало ясно, что эмигрантское правительство не могло использовать партизан Армии Крайовы для противостояния Красной армии без содействия западных союзников. Черчилль и Рузвельт, представляя интересы Польши в антигитлеровской коалиции и «Большой тройке», неоднократно заявляли, что воевать с СССР из-за Польши не намерены. В 1939 г. они гарантировали полякам лишь независимость, а не восстановление польских границ. Кроме того, к весне 1944 г. ситуация во всем польском подполье принципиально изменилась: на внутреннюю арену выходила тоже польская, но невраждебная СССР политическая сила — «Крайова Рада Народова», альтернативная правительству и его подпольным структурам, о чем союзные лидеры были уведомлены. СССР ориентировался на эту силу и с ней мог связывать свои долгосрочные политические интересы в отношении Польши [О размежевании в подполье, консолидации левых сил, организации подпольных органов власти см. подр.: Польша в XX веке... раздел III, очерки II, III].

Таким образом, любые действия «вопреки СССР» угрожали представителям Польши изоляцией в западном мире и негативным отношением СССР. Все это было крайне нежелательно для польского руководства. Перед ним вставал вопрос чрезвычайной важности: как на территории «кресов», которые большинство поляков считало своими суверенными землями, избежать вооруженных столкновений офицеров и солдат АК, движимых массовым антикоммунизмом и готовностью к сопротивлению «Советам», с Красной армией. Последовали инструкции и приказы командующего Армии Крайовы генерала Т. Бур-Коморовского командирам отрядов АК. Например, 12 июля 1944 г. он писал в шифротелеграмме в Лондон: «Мы сотрудничаем с Советами только в военных действиях против немцев. Мы оказываем Советам политическое сопротивление, за-

1 Во времена ПНР польские историки на документах это доказали. [См. подр.: Советский Союз... т.1, ч. 1, с. 734–735).

ключающееся в неустанном и бескомпромиссном утверждении самостоятельности во всех проявлениях польской организованной жизни, а также интересов армии и войны. Сопротивление должно быть коллективным проявлением воли польского народа в сохранении своего независимого существования» [Советский Союз... т. 1, ч. 2, с. 383; Там же, док № 27, 81, 140, 145 и др.]. Итак, отрядам АК предписывалось, продолжая сражаться с гитлеровцами, считать советские войска враждебными и встречать их заявлениями о своем «праве хозяина» этих земель.

На практике при соприкосновении отрядов АК с советскими частями ситуация развивалась по-разному. Согласно советским и польским источникам, уже в 1942–1943 гг. имели место как взаимодействие с советскими партизанами в борьбе с гитлеровцами, так и взаимная враждебность, вооруженные столкновения вплоть до убийств. Надо отметить, что командование АК запрещало какое-либо сотрудничество своих отрядов с гитлеровцами против СССР и никогда не издавало иного приказа. Тем не менее на местах такие контакты были — ради покупки оружия, а то и договоренности отдельных отрядов АК с немцами на антисоветской основе. Откровенным взаимодействием с вермахтом отличались отряды крайне правых «Народовых Сил Збройных» (НСЗ) [Мотыка, с. 52–81; Советский Союз... т. 1, ч. 1, док. № 149, 163, 176 и др.].

При вступлении Красной армии на территорию, где действовали отряды АК, чьи возможности были неизмеримо малы в сравнении с возможностями регулярных советских войск, объективные условия диктовали «аковцам» соучастие в боевых действиях против гитлеровцев. Поначалу на это шла и советская сторона (например, на Волыни), при условии полного подчинения АК оперативным приказам советского командования. Причем директивой Сталина от 24 марта 1944 г. допускались политические контакты польских командиров «с кем угодно». Но боевое взаимодействие с «Советами» не получало развития, ибо командование АК считало его временным, политически обуславливало его предварительным восстановлением отношений между Москвой и польским правительством, что было неприемлемо для СССР. Кроме того, советская сторона не шла ни на какие политические условия, касавшиеся государственной принадлежности Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы, и требовала подчинения отрядов АК советским приказам. Для командования Армии Крайовой это означало враждебные действия против Польши, а потому боевое взаимодействие с Красной армией было для него невозможным [Советский Союз... т. 1, ч. 1, док. № 356, с. 682; Там же, т. 1, ч. 2, док. № 7, с. 13; Там же, док. № 33, с. 54].

Летом 1944 г. польское командование, учитывая имевшие место факты разоружения советскими военными властями отрядов АК, рекомендовало последним или перемещение «за Буг» на этнически польские земли и боевые действия против гитлеровцев перед фронтом Красной армии, или переход в подполье и вооруженное сопротивление советским приказам. Такие действия расценивались советским командованием как нарушение непреложного правила любой действующей армии — обеспечивать безопасность своих тылов. Закон военного времени о принудительном разоружении (взятии в плен) и интернировании участников АК был применен советской стороной в отноше-

нии группировки АК, участвовавшей в начале июля 1944 г. рядом с частями Красной армии в боях за г. Вильнюс (Вильно), но затем отказавшейся сдать оружие¹.

И в дальнейшем на территории этнической Польши советское командование, опираясь на этот закон, разоружало партизан АК (и не только их), нарушавших его приказы, предлагая им выбор: воевать с Германией в рядах нового Войска Польского или оказаться в лагере интернированных. На практике часть рядовых бойцов АК с разрешения советского командования отправлялись по домам. Большинство же «аковцев» (офицеры, унтер-офицеры и часть рядовых) выбирали лагерь [ГА РФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 66, л. 11–12; Русский Архив... с. 161–162; Советский фактор... т.1., с. 66–67; Советский Союз... т.1, ч. 1, док. № 356, 362; Там же, т. 1, ч. 2, док. № 6, 7, 8, 13, 30, № 171, с. 383]. Это были люди, убежденные в законности прав Польши на владение завоеванными в 1920 г. силой оружия восточными многонациональными землями, где поляки, составляя меньшинство населения, располагали всей полнотой власти. Они считали польское правительство и его подпольные структуры единственными представителями общенациональных интересов и выразителями единственно верной национальной геополитической цели — удержать «кресы» в составе Польши.

Меньшинство участников АК переходило в ряды новой польской армии, что означало признание ими уже действовавшей на освобожденной летом 1944 г. части территории Польши дружественной СССР исполнительной власти меньшинства — Польского Комитета Национального Освобождения (ПКНО), созданного 22 июля 1944 г. и 1 августа расположившегося в г. Люблине [См. подр.: Польша в XX веке... с. 389–396].

С этого времени на местах легализовались органы новой законодательной («Крайова Рада Народова») и исполнительной (ПКНО) власти. От их имени был обнародован манифест ПКНО, которым восстанавливалось действие демократической конституции 1921 г. и провозглашались главные принципы общественного устройства после войны. Предлагаемые социально-экономические реформы и преобразования политической системы находились строго в пределах общедемократических норм и веяний времени. Речь шла о сохранении прав частной собственности на землю, орудия труда и средства производства для самых широких народных масс, прежде всего крестьянства. Крупные предприятия должны были поступить под управление государства. Национализации подлежали те, что обеспечивали жизнедеятельность страны и ее оборону. Сохранялись права на собственность мелкой и средней буржуазии города. Во внешней политике предлагался некий баланс ориентаций на «прочный союз» с СССР и Чехословакией и на традиционный союз с Великобританией, Францией и США. Таким образом, программа, объявленная левыми силами, корректировала довоенный строй, соответствовала нуждам страны и большинства поляков, не расходилась с новыми тенденциями буржуазно-демократического развития западной части континента (этатизация). Она не следо-

1 Согласно подписанному в 1907 г. «Положению о законах и обычаях сухопутной войны» Гагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, «военнопленные подчиняются законам, уставам и распоряжениям, действующим в армии государства, во власти коего они находятся. Всякое неповиновение с их стороны дает право на применение к ним необходимых мер строгости».

вала присущим советской модели принципам и методам, отвергаемым большинством поляков, и тем самым не создавала в стране внутренних препятствий для реализации геополитических интересов СССР в Польше [См. подр.: Польша в XX веке... с. 414–418].

Руководство военно-политического подполья отреагировало на активизацию левых сил в стране и опубликовало «Воззвание к польскому народу», где излагалась программа политических («парламентарная демократия») и социально-экономических (аграрная реформа) преобразований, которая перекликалась с намерениями ПКНО. Но в вопросах внешней политики расхождения были принципиальными. Лидеры подполья, как и правительство, считали возможным восстановление отношений с СССР лишь после признания им довоенной территории Польши, что не соответствовало ни интересам СССР, ни (на то время) представлениям западных союзников [Парсаданова Варшавское... ч.1, с. 262–280]. И главное: польское подпольное руководство не имело внешнеполитических (прежде всего) и внутренних возможностей приступить к реализации всего, что обещало народу.

Попыткой изменить такое положение дел стало восстание в Варшаве 1 августа 1944 г. Командование Армии Крайовой планировало эту антигитлеровскую операцию в расчете на серьезную военно-политическую поддержку союзников и массовые патриотические настроения, ненависть к гитлеровцам, стремление сохранить «кресы», а также отрицательное отношение значительной части поляков к СССР. Итог борьбы виделся исключительно политическим: восстановление власти польского эмигрантского правительства (предполагалось и прибытие премьера из Лондона) до взятия столицы советскими войсками, что сделало бы никчемной власть ПКНО.

Однако с поддержкой союзников польская сторона просчиталась. А гитлеровцы, сосредоточив силы для подавления восстания и успешно действуя против советских войск на правом берегу р. Вислы вблизи Варшавы, 2 октября 1944 г. вынудили командование АК капитулировать. В результате поляки потеряли 15 тыс. повстанцев, 150–160 тыс. жителей и саму столицу страны [См. подр.: Советский Союз... т. 2, ч.1, с. 5–42; Strzembosz, s. 345–346].

Так польское правительство в Лондоне во многом утратило «внутренний фактор» вооруженной борьбы против гитлеровцев за возвращение «своей» власти¹. В его распоряжении оставались проправительственные настроения большинства населения и ставка на политическое содействие западных союзников. Но последние в переписке с главой СССР не располагали теперь аргументом о боевом содействии АК советским войскам. СССР уже имел нового польского военно-политического союзника в лице Войска Польского, которое вместе с Красной армией в июле–августе 1944 г. освобождало от гитлеровцев территорию юго-восточной Польши.

1 Поражение повстанцев, по мнению английского историка Я. Чехановского, вызвало «процесс полной ликвидации АК на территориях, занятых советскими войсками». 19 января 1945 г. командовавший АК ген. Л. Окулицкий издал приказ о ее роспуске. Часть отрядов его не выполнила и продолжила подпольную борьбу против новой власти и советского присутствия в стране [Ciechanowski, s. 267].

Однако ситуация на польском участке фронта для советских войск осенью 1944 г. оставалась сложной. В конце ноября войска 1-го Белорусского фронта перешли к жесткой обороне. Взятие Варшавы откладывалось, началась подготовка крупнейшей Висло-Одерской операции Красной армии [См. подр.: Советский Союз... т. 2, ч.1, док. № 64, 65, 70, 76, 79, 82, 91, 107, 130, 150, 157, 166, 168, 177, 178, 180, 186 и др., а также с.12–19, 31–33]. Правда, в эти же летне-осенние месяцы 1944 г. происходили важные с точки зрения геополитических интересов СССР перемены на севере, в центре и на юго-западе советско-германского фронта. Были подписаны акты о перемирии с Финляндией, Венгрией, Румынией и Болгарией, освобождена часть территории Чехословакии, советские войска вступили на территорию Германии, продвигались по югославской земле к Белграду. Начинался непростой процесс формирования в большинстве стран региона национальной коалиционной власти, невраждебной СССР [См. подр.: Великая... Статьи Носковой А.Ф., Валева Е.Л., Покивайловой Т.А., Желицкого Б.И., Стыкалина А.С., Христофорова В.С. и др.].

Такие события, в том числе установление дружественной СССР польской власти в Люблине, обозначили масштаб возможной сферы советского влияния в регионе и Европе в целом. Это беспокоило союзников, особенно У. Черчилля, в сентябре 1944 г. видевшего опасность установления советского контроля над Черноморскими проливами и выходом в Средиземноморье [Cytowska-Siegrist, s. 305], что и побудило английского премьера к спешной встрече со Сталиным. 9 октября 1944 г. он прибыл в Москву, с согласия Сталина привезя и польскую делегацию. В последний раз Сталин открыл Ст. Миколайчику «дверь» к компромиссу с СССР и созданию коалиционного правительства с участием польского премьера, но на базе Польского Комитета Национального Освобождения. С этой целью было инициировано приглашение в Москву делегации ПКНО из Люблина. Состоялось несколько бесед лидеров «Большой тройки» и отдельно Сталина и Молотова с Миколайчиком и представителями ПКНО. Польско-польская дискуссия двух делегаций, однако, не привела к договоренностям «лондонских» и «люблинских» представителей [Документы и материалы... т. VIII, с. 271–276; Ржешевский, с. 440–458, 469–474; Советско-польские отношения... т. 4, с. 632; Изложение советской записи беседы Миколайчика и Сталина 18 октября см.: Печатнов, Магадеев, т. 2, с. 287, 409; Ее польскую запись см.: Armia Krajowa w dokumentach, т. V, s. 78–81].

Помимо в целом успешного обсуждения вопроса о распределении в регионе сфер геополитических интересов западных союзников и СССР, Сталин и Черчилль, по разным причинам, могли быть довольны результатами диалога в Москве и по польским делам. Черчиллю удалось сохранить его в состоянии незаконченной дискуссии. Сталин преуспел в ином. Согласие Черчилля на участие в переговорах представителей ПКНО свидетельствовало о понимании неизбежности признания, раньше или позже, западными державами Польского Комитета Национального Освобождения. Назвал встречу «весьма успешной» и посол США в Москве А. Гарриман. Лишь польский премьер Миколайчик не использовал шанса сохранить диалог с Москвой. Он не был понят ни в Москве, ни в Люблине, где шла подготовка к преобразованию ПКНО во Временное правительство, вызвал раздражение Черчилля, и был вынужден подать в отставку. В эмигрантском правительстве возобладали агрессивно антисоветские политики. Обо-

значилась перспектива ухода кабинета в политическое забвение [Подр. см.: Носкова Проблема... с. 26–31].

5 января 1945 г. Москва признала Временное правительство Польской Республики [Materski, s. 367–368]. Начавшийся процесс международного признания новой Польши и мощная Висло-Одерская операция советских войск демонстрировали реальные геополитические возможности СССР. В Европе ощущалось приближение конца войны.

На таком фоне 4–11 февраля 1945 г. «Большая тройка» встретилась в Крыму. Западные союзники спешили обсудить с Москвой вопросы послевоенного урегулирования, создать новую систему международных отношений. Далеким от идеалов демократии методом три мировых лидера делили Европу на сферы геополитического контроля, определяли судьбы других стран и народов, руководствуясь каждый своими национально-государственными интересами, фактически распределяя военные, политические и материальные «трофеи».

Сталин обладал существенным преимуществом: вклад страны в разгром Германии был огромен, армия приближалась к Берлину. Союзники, не имея такого преимущества, искали компромиссы, понуждая Сталина учитывать их интересы. В полной мере это проявилось при обсуждении западной границы Польши и организации ее правительства. Рузвельт и, особенно, Черчилль предполагали ввести бывшего польского премьера в коалиционный состав польского правительства для продолжения борьбы за облик власти, внешнеполитическую ориентацию и геополитическое место Польши в послевоенной Европе. Они соглашались на «линию Керзона» в качестве восточной границы страны и безуспешно убеждали Миколайчика уступить в этом Сталину. Но, согласившись на передачу СССР 1/3, а Польше 2/3 территории Восточной Пруссии, Черчилль и Рузвельт возражали против пополнения польской экономики почти всем промышленным и горнорудным Силезским районом Германии. Не договорившись, решение отложили, но советская сторона вовсе не проиграла. Военным властям СССР предписывалось передавать под управление польской администрации новые территории восточнее р. Одер [Советский Союз на международных... с. 214; Советский фактор... с. 153–155].

По вопросу формирования польского коалиционного правительства шли непростые дискуссии. Сталин стремился «перезапустить» борьбу за власть в Польше при изоляции представителей правого спектра довоенного политического класса, сохранив решающие позиции деятелей ПКНО, но допустить к власти тех политиков (главным образом крестьянской и социалистической партий, находившихся в стране и в эмиграции), кто не отличался враждебностью к СССР и склонялся к взаимодействию с коммунистами.

С точки зрения интересов СССР особо выгоден был перевод борьбы за Польшу с международной на внутреннюю арену, где польские коммунисты контролировали Войско Польское, госбезопасность, промышленность, финансы. Вместе с близкими им левыми социалистами и «людовцами» (представителями крестьянских партий) они создавали органы власти, проводили аграрную реформу, восстанавливали промышленные пред-

приятия, шахты, открывали школы и университеты. Миллионы поляков получали работу — правда, от власти, которой не ждали. Настроения в стране представляли собой «сгусток противоречий» и складывались «из миллионов индивидуальных позиций». Большинство, за исключением вооруженного подполья, было против коммунистов во власти, но не отторгло демократические, прежде всего социально-экономические, преобразования. Поляки хотели не воевать, а участвовать в налаживании послевоенной жизни и поэтому шли на контакт с властью, что означало, раньше или позже, признание ими новых политических реальностей [Kersten Między... s. 13, 18–21; Kersten Narodziny... s. 117–118].

Архиважный геополитический интерес СССР состоял в признании Временного правительства Великобританией и США, что закрепило бы государственную территорию Польши до утверждения ее западной границы на мирной конференции. Требовалось, не нанеся ущерба позициям польских единомышленников Москвы, ввести в правительство представителей западно- демократической линии и тем завоевать поддержку их многочисленных сторонников. К тому же участие в правительстве обязало бы этих политических игроков принять как данность ключевые позиции польских коммунистов и присутствие советских военных властей на территории Польши, а также порвать со «своими» подпольными военно-политическими структурами, включая отряды АК. За этим волей-неволей последовало бы их согласие на подавление тех, кто продолжал вооруженные действия, теперь уже против законной коалиционной власти. Все это способствовало бы спокойствию в обществе и в «польском» тылу Красной армии.

Заинтересованность Рузвельта и Черчилля в возложении на Красную армию почти всей тяжести борьбы за разгром Германии и во вступлении СССР в войну с Японией диктовала их согласие с предложением Сталина объединить в польском правительстве представителей «лондонских» и «люблинских» поляков [Ржешевский, с. 499–506]. Союзники предлагали включить в его состав располагавшего высоким уровнем доверия в обществе Ст. Миколайчика, который мог бы продолжить борьбу за перехват власти от коммунистов. Не имея иного способа воздействовать на события в Польше, кроме как решением конференции обязать новое правительство провести «как можно скорее» выборы в Сейм, они намеревались закрепить преобладание «своих людей» в системе законодательной власти с целью изменения внешнеполитического курса страны и получить польскую сферу контроля в регионе. Сталин согласился на проведение скорых выборов в стране, где находилась его армия [Ржешевский, с. 510–511].

На конференции в Ялте перед Черчиллем и Рузвельтом был поставлен вопрос о безопасности «польского» тыла советских войск. К этому времени в Москве располагали данными о вооруженных нападениях оставшихся «в лесах» отрядов АК и НСЗ на советские военные комендатуры, тюрьмы для военнопленных, транспорт, посты связи и коммуникации, о захватах в плен советских военнослужащих. Имелись свидетельства зверских пыток и убийств 310 красноармейцев [Как польское вооруженное подполье...]. Сталин предупредил союзников: за нарушения законов войны «будем их [поляков] расстреливать». Рузвельт и Черчилль фактически признали правомерность разоружения, интернирования и арестов участников «банд». Признали они и советское

обоснование этого безопасностью тыла Красной армии, закрыв глаза на политическую составляющую действий СССР [Советский Союз на международных конференциях... с. 120, 95, 119; Русский архив... с. 387–388.].

Сталину были «сданы» военно-политическое подполье и связанные с ним политические фигуры, в том числе те, кто позднее попытался, признав «Ялту», включиться в политическую жизнь страны. Тем самым союзники разделили с советской стороной и польскими коммунистами политическую и историческую ответственность за лишение свободы и/или гибель ряда лидеров военно-политического подполья, готовых сложить оружие и участвовать в политической борьбе за облик Польши. Большинство их не воспользовалось амнистией, объявленной властью летом 1945 г., и продолжило вооруженное сопротивление, которое в 1945–1946 гг. приобретало характер локальной гражданской войны. В свою очередь, ответственность за гибель польских коммунистов, представителей власти, ее сторонников среди мирного населения и советских военнослужащих легла на бывших «аковцев» и членов НСЗ.

После Ялтинской конференции в страну возвратились некоторые польские деятели из США и Великобритании, в том числе экс-премьер Ст. Миколайчик, который под давлением англичан 15 апреля 1945 г. публично признал решения, принятые союзниками по «линии Керзона». Происходили перемены в политическом ландшафте Польши, усложнялся внутренний политический процесс. На все это советская сторона реагировала разными способами, в том числе и силовым. Появление на политическом горизонте новых «игроков» из руководства подполья и командования АК было расценено в Москве как нежелательное. В конце марта 1945 г. последовал арест 16 человек, и в июне 1945 г. почти всех их приговорили к различным срокам тюремного заключения. Большинство было вскоре освобождено и возвратилось в Польшу, кроме командующего АК ген. Л. Окулицкого, делегата правительства Я. Янковского и его заместителя С. Ясюковича, которые похоронены в СССР [См.: Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... док. № 34, 37, 38, 39, 42, 43, 44, 45, 46, 50 и др.].

Значительно серьезнее весной 1945 г. оценивались в Кремле данные о новых тенденциях в политике союзников. Реакцией на них стал подписанный 21 апреля 1945 г. в Москве в спешном порядке и вопреки настроениям союзников антигерманский Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской Республикой, который связал воедино национально-государственные интересы и безопасность двух стран. Есть основания предполагать, что в это время Москва имела сведения о разработке Лондоном плана «Немыслимое» — экстренной военной операции, намечавшейся уже на июль 1945 г. для «разгрома России в тотальной войне», где «главным театром военных действий» должны были стать советская зона оккупации Германии и новые земли Польши [См. подр.: Ржешевский, с. 524–528; Очерки истории российской... т. 5, с. 20; Печатнов На излете...]. Военно-политическое вхождение Польши в сферу геополитических интересов СССР и его ответственности за ее безопасность становилось необратимым.

Это публичное свидетельство готовности СССР защищать польские геополитические интересы ускорило начатый в феврале–марте процесс формирования состава нового

правительства Польши. 28 июня 1945 г. общими усилиями представителей глав «Большой тройки», польских политиков из Варшавы и Лондона было создано Временное правительство национального единства во главе с социалистом Э. Осубка-Моравским. Ст. Миколайчик получил пост вице-премьера и министра сельского хозяйства. Вскоре он создал крупную политическую партию, которая, «открестившись» от военно-политического подполья, встала в оппозицию левым во главе с коммунистами. 5 июля новое правительство Польши было признано западными союзниками [См. подр.: Польша в XX веке... с. 487–490].

Таким образом, советское руководство привлекло на свою сторону приверженцев западной демократии и тем успокоило союзников и значительную часть поляков. Политическая борьба за власть была направлена в мирное русло, опасность большой гражданской войны за спиной Красной армии минимизирована. По политическому составу правительства Польша встраивалась в общий с другими странами региона геополитический «пояс безопасности» вдоль западного и балканского участков советской границы. Его внутренняя устойчивость связывалась Москвой с невраждебным, а лучше — дружественным СССР обликом политических режимов, с коалиционной системой власти и долгосрочным развитием в русле широкой демократии при взаимодействии как с СССР, так и с западными державами [Советский фактор в Восточной Европе... т. 1, с. 29–30].

Такие режимы и такой их внешнеполитический курс советская сторона полагала соответствующими расчетам на долгосрочное, политически адресованное прежде всего США сотрудничество с западным миром. Хотя в польском обществе существовали различные мнения о путях развития страны, коалиционная власть лета 1945 г. во многом соответствовала представлениям большинства поляков о польских интересах. Три основные политические силы (коммунисты, социалисты, «людовцы»), составляя программы преобразований, приспособляли свои довоенные идеологические воззрения к текущей ситуации, учитывали необходимость социально-политических компромиссов во имя решения общенациональных задач. Такие представления о направлении развитии общества разделяли многие коммунисты, и не только польские.

Нерешенной оставалась актуальная для страны и миллионов поляков, уже осваивавших новые земли, проблема западной границы. Ее утверждение ожидалось на встрече Сталина, Черчилля и нового президента США Г. Трумэна, состязавшихся за конкретные геополитические, территориальные и экономические итоги разгрома Германии. На стороне Сталина, а объективно и Польши, были безусловные военная мощь и авторитет СССР в мире. Но была и неясность, как долго, с исчезновением антигерманской общности действий трех держав, сохранится заинтересованность западных союзников в сотрудничестве с СССР.

Весной 1945 г. в Москве уже фиксировались негативные для СССР и Польши сигналы с Запада, одним из которых стало сокращение поставок по ленд-лизу. Для нейтрализации нежелательных перспектив предпринимались превентивные меры. 29 мая 1945 г. Ставка Верховного главнокомандования утвердила три директивы. Первая —

о Группе советских войск в Германии в зоне, имеющей «границами линию соприкосновения с войсками союзников» и до линии р. Одер и границы с Чехословакией. Другой директивой на территории к востоку от р. Одер–Нейсе и до советско-польской границы по «линии Керзона», включающей 14 крупных польских городов и 2/3 Восточной Пруссии на северо-востоке, дислоцировались части Северной группы Красной армии. Третья директива касалась оперативных полномочий Главнокомандующего Войска Польского. Ему передавались из подчинения советским командующим фронтами все польские части, а также, несколько позднее, — охрана участка границы с Чехословакией и мостов на р. Одер. Все мероприятия завершались к 5–8 июля 1945 г., то есть до встречи «Большой тройки» [См. подр.: Польша в XX веке... с. 453–455].

В связи с изменением предназначения советских войск на освобожденной территории Польши изменялись и задачи уполномоченных НКВД при командованиях фронтов. А именно: увеличивалась до 15 полков численность внутренних войск НКВД на территории Польши, поскольку через эту страну перемещались войска, грузы разного назначения, многочисленные беженцы и переселенцы. Помимо этого, уполномоченные имели специальное поручение советского руководства оказывать польским спецслужбам помощь в борьбе с вооруженным подпольем¹.

Таким образом, накануне встречи «Большой тройки» в Потсдаме Москва была готова к разговору по польским делам в условиях, когда желание западных союзников наказать Германию к выгоде наиболее пострадавшей в войне, но почти «потерянной» для них Польши заметно снизилось. С 17 июля по 2 августа 1945 г. И.В. Сталин, У. Черчилль (затем К. Эттли) и Г. Трумэн обсуждали, главным образом, будущее Германии и в этой связи — западную и северо-восточную границы Польши. После длительных дискуссий при участии представителей Польши, включая Ст. Миколайчика, Сталин добился максимально возможного результата. Ради продолжения полезного для СССР сотрудничества, в первую очередь с США, он принял компромиссное американское предложение: установление западных границ откладывалось до мирной конференции, бывшие германские территории передавались лишь «под управление Польского государства», что придавало некую «шероховатость» самому решению [Документы и материалы... т. VIII, с. 157, 479–488, 521–528, 534–535, 542; Советский Союз на международных... т. VI, с. 476, 497].

Следует учитывать, что в соглашении советского правительства и ПКНО от 27 июля 1944 г. линия западной и северо-восточной границ была уже обозначена, а в решениях Берлинской (Потсдамской) конференции указывалась и прилегающая к Балтийскому морю часть советско-польской границы. Оба участка границы Польши были закреплены двусторонним Договором о советско-польской государственной границе от 16 августа 1945 г. Более того, принятая в Потсдаме оговорка, что новые польские земли «не должны рассматриваться как часть советской зоны оккупации Германии», означала молчаливое согласие союзников с существованием новой западной границы Польши и почти сводила на нет положение об ее установлении будущей мирной конференцией [Документы и материалы... т. VIII, с. 539].

1 Еще 20 полков размещались в 5 других странах региона [Teczka specjalna... s. 304–305].

В Потсдаме состоялось признание Польши субъектом мирового сообщества, а ее правительства — полноправным участником международных отношений. Отказ США и Великобритании от признания де-юре польского правительства в Лондоне, «которое больше не существует», блокировал претензии входящих в него политиков на возвращение во власть. Довоенный польский политический класс потерпел как внутривнутриполитическое (ставка на антисоветизм), так и геополитическое (Польша — барьер от большевизма) поражение.

Однако в принятых в Потсдаме решениях отсутствовали согласованные тремя державами гарантии польских границ, и единственным их гарантом от посягательств извне не служили советско-польский Договор от 21 апреля 1945 г. и присутствие в стране Красной армии. Это влекло за собой долгосрочную и многостороннюю зависимость Польши от СССР и в дальнейшем действовало как негативный и устойчивый национально-политический фактор, влиявший на внутреннюю стабильность и власть (но не на границы и территориальную целостность страны).

Итак, в 1945 г. был пройден решающий этап борьбы за реализацию геополитических целей СССР, а именно — за свою и польскую (вне зависимости от характера власти) послевоенную безопасность, исходя из общности соответствующих национально-государственных интересов. Усилиями СССР была создана сфера советского влияния на главном, польском, направлении возможной новой угрозы с запада.

Но борьба в Польше (и вокруг нее) за общественное устройство и внешнеполитическую ориентацию страны не закончилась. Существовала влиятельная оппозиция, действовало нелегальное антиправительственное вооруженное подполье. Тех и других явно или скрытно поддерживали Польская римско-католическая церковь, особо влиятельная в обществе, сохранявшем довоенный облик и остатки сословности, и ее иерархи.

Летом 1945 г. социальная структура польского населения определялась разными формами собственности и многоукладной экономикой. Налицо была множественность мировоззренческих взглядов при глубокой религиозности большинства поляков, почитавших национальные традиции. Во всех социальных группах имели влияние правые — политически организованные националисты (национальные демократы, или «эндеки»). Массовые рабочие партии (социалисты и коммунисты) и крестьянская партия («людовцы»), укоренившиеся в трудящейся части населения города и деревни в конце XIX в., определялись с идейно-политическими задачами в новой ситуации, но ни одна не имела монополии на истину и власть в стране. Исполнительная и законодательная ветви власти, органы местного самоуправления, административный аппарат были многопартийными. Такой Польша оставалась на протяжении нескольких послевоенных лет. Ее устройство вовсе не корреспондировалось с общественным строем СССР, где государство владело монополией на собственность, а вся полнота власти сосредотачивалась в руках единственной политической силы — компартии.

Важнейшим признаком, отличавшим Польшу от СССР, оставалась реальная и до 1948 г. ожесточенная политическая борьба за долю владения властью и ее суть [См.

подр.: Польша в XX веке... разд. IV, очерк II]. В ходе этой борьбы подавлялись не представленные во власти, угрожавшие ей правые националисты и подполье. К концу 1947 г. постепенно была разрушена оппозиционная партия Ст. Миколайчика, обладавшая существенной властью и влиянием. Эти сторонники мелкобуржуазной крестьянской (аграристской) модели развития страны претендовали на определяющую долю власти и выступали за приоритетный союз с Западом. Отметим, что подавление легальной оппозиции происходило как политическими методами, так и силой, при участии польских спецслужб и, бывало, армии, которые контролировались польскими коммунистами. Помощь войск НКВД в борьбе с вооруженным подпольем с 1947 г. сокращалась.

Подчеркнем: подавлялась деятельность тех сил, которые сопротивлялись в первую очередь союзу Польши с СССР, его военному присутствию, которое ограничивало суверенитет страны. Но в ту пору СССР был единственной силой, желавшей отстоять новые границы Польши и способной защитить страну от внешней угрозы и территориальных притязаний, организовав общую систему безопасности. Однако задача не допустить отрыва Польши от СССР вовсе не означала перехода к социализму «по Сталину».

1945–1948 гг. — это время общедемократических преобразований в пользу самых широких слоев населения. Полным ходом шла аграрная реформа. Помещики, владевшие основной долей сельскохозяйственных и лесных угодий, лишались собственности (исключая 50 га), земля передавалась крестьянам в частное владение. Поляки заселяли новые территории и получали крупные наделы земли и жилье в собственность. Промышленность, кроме средней и мелкой, шахты, банки, транспорт, линии связи переходили под управление государства, что перекликалось с курсом на этатизацию в ряде стран Запада. Отменялись все сословные привилегии. Становились всеобщим и бесплатным образование всех уровней, свободным — доступ к культуре. Церковь была отделена от государства, преподавание религии в школе ограничивалось, сохранялась свобода вероисповедания и отправления культа.

Политическая система, законодательная и исполнительная власти оставались до 1948 г. многопартийными, властными полномочиями располагали представители всех легальных партий, профсоюзов, молодежных организаций. Правда, контроль над силовыми ведомствами, финансами и промышленностью оставался в руках коммунистов. Главные политические силы 1945–1948 гг. разрабатывали свои программы на будущее. Сторонники Миколайчика («людовцы») сохраняли верность довоенным идеям аграризма, представляли Польшу республикой, где крестьянин определяет развитие страны, а у власти находятся представители крестьянско-рабочего союза; сельское хозяйство — основа экономики, промышленность обслуживает его интересы. Стране, по их мнению, надлежало ориентироваться на союз с западными демократиями и «дружить» с СССР.

Аграризм не принимали ни социалисты, ни коммунисты, ни близкие им левые деятели самого «людовского» движения. К осени 1947 г. судьба этой доктрины была решена ходом политической борьбы и поражением Миколайчика на выборах в сейм [Носкова Крестьянское... с. 235–240].

В рабочем движении процессы были сложнее. В 1945–1947 гг. шли дискуссии внутри рабочих партий и между ними. Текущую ситуацию социалисты и коммунисты именовали временем демократических реформ, этапом народной демократии без диктатуры пролетариата, с многопартийной системой, парламентской демократией и многосекторной экономикой. Такая концепция перехода к социализму политически сближала социалистов и коммунистов, обеспечивала их сотрудничество против подполья и отчасти против сторонников мелкобуржуазной демократии [Волокитина «Холодная война»... разд. II, гл. I]. Но велись споры вокруг выдвигавшейся социалистами модели «демократического социализма», где соединялись применительно к польским условиям нормы западной демократии и достижения европейской социал-демократии.

Спорили и коммунисты. Часть их выступала за длительный, эволюционный «польский путь» через строй народной демократии «к новому социалистическому качеству». Были и сторонники немедленного перехода к советской модели социализма, но их голоса не были преобладающими до осени 1948 г. Руководство партии находилось в руках сторонников особого национального, длительного пути к несветскому социализму [Волокитина, Мурашко, Носкова, Покивайлова Москва и Восточная Европа... с. 34–39]. Это было созвучно суждениям, которыми делился Сталин, неоднократно беседуя с польскими коммунистами и социалистами в Кремле — то по отдельности, то собирая их вместе. Он предлагал «обойтись без грехов» советского перехода к социализму (диктатура пролетариата, колхозы, атеизм). В Польше для него было главным не допускать вооруженных действий подполья, ибо они вели дело к гражданской войне и возможному вмешательству в конфликт западных союзников. Необходимо было спокойствие в польском обществе, достигавшееся компромиссом разных, но невраждебных СССР социальных и политических сил. Об этом Сталин в мае 1946 г. подробно говорил польским коммунистам и социалистам, отметив в который раз важное отличие их действий от опыта СССР. Путь народной демократии, подчеркивал он, «приближает вас к социализму без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя» [Восточная Европа... с. 457–458]. Такая стратегия соответствовала задаче сохранить сотрудничество СССР с западными державами и не нарушала советского контроля в Польше (и регионе).

Но к концу 1947 г., когда закончился этап принятия общих решений, когда «рассыпалось» взаимодействие и сосуществование западного мира с СССР и недавние союзники озаботились нейтрализацией коммунистической опасности на Западе, когда зримым становился раздел мира на два враждебных лагеря, перемены на Востоке Европы, и прежде всего в Польше, становились неизбежными. Модели общественного развития, рассчитанные на длительное существование многоукладной экономики и многопартийной системы в условиях признания союзниками геополитических интересов СССР в регионе, утрачивали перспективу.

Иным способом сохранить геополитические итоги войны, кроме сосредоточения власти в руках одной идеологически надежной политической силы для мобилизации всех ресурсов и ускоренного перехода к испытанной войной советской модели организации общества, руководство СССР не располагало. 1948 г. стал временем внутри- и внешне-

политической подготовки к внедрению с 1949 г. советского образца социализма под руководством компартий. Это совпало с обретением СССР статуса второй ядерной державы, что придавало устойчивость советскому контролю в Восточной Европе.

Нет оснований определять действия Сталина в первые послевоенные годы как политическую тактику, уловку, скрывавшую намерение сразу после войны приступить к переводу Польши (и других стран региона, исключая Югославию) на советский вариант развития. Осторожный и опытный политик, советский лидер, несомненно, осознавал, что такой курс объективно не имел ни политических, ни экономических, ни социальных предпосылок, что он мог взорвать весь регион и воспрепятствовать созданию геополитического пространства, защищающего СССР от новой агрессии с запада. Только неуклонное нарастание более опасной, атомной угрозы со стороны США и их союзников сделало для руководства ВКП(б) и компартий стран региона актуальной задачей советизации региона. Но «пояс безопасности» СССР уже был реальностью, скрепленной региональной, включая СССР, системой двусторонних и многосторонних военно-политических договоров.

Литература

Великая Отечественная война. 1944 год. М. 2014

Волокитина Т.В. «Холодная война» и социал-демократия в Восточной Европе. 1944–1948 гг. (очерки истории). М. 1998.

Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М. 1993.

Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М. 2002. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. М.– Новосибирск. 1997.

ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 11–12.

Гибианский Л.Я. Советские цели в Восточной Европе в конце второй мировой войны и в первые послевоенные годы: споры в историографии и проблема изучения источников // Russian History / Histoire russe. The Soviet global impact. 1945–1991. California. 2002. P. 197–216.

Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Дж. Кеннана. М. 2002.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. (Далее ДМИСПО). Т. VIII. М. 1974.

Дурачинский Э. Сталин — создатель и диктатор сверхдержавы. М. 2015.

Из Варшавы. Москва, товарищу Берия // Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. М. 2001. Док. № 34, 37, 38, 39, 42, 43, 44, 45, 46, 50.

Как польское вооруженное подполье «помогало» Красной Армии разгромить гитлеровскую Германию // Федеральное архивное агентство. — URL: archives.ru/library/poland-1944-1945/index.shtml (дата обращения: 06.11.2019).

«Круглый стол». СССР и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в середине–второй половине 40-х годов. // Советское славяноведение. 1991. № 6.

- Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943. Кн. 2. Ч. 2. 22 июня 1941–1943 г. М. 2009. (Научное наследие. Т. 33.).
- Марьина В.В. Второй президент Чехословакии. Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948. М. 2013.
- Марьина В.В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М. 2003.
- Носкова А.Ф. Крестьянское политическое движение в Польше. (сентябрь 1939 — осень 1947 г.) М. 1987.
- Носкова А.Ф. Проблема международно-правового признания власти и границ Польши (август 1944 г. — август 1945 г.) // Великая Отечественная война. 1945 год. М. 2016.
- Носкова А.Ф. Советско-польские отношения: интересы, возможности и противоречия. 1941–1942 гг. // Великая Отечественная война. 1942 год. М. 2012. С. 18–32.
- Носкова А.Ф. Сталин и создание Польского Комитета Национального Освобождения: вынужденный шаг в нужном направлении // Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв. СПб. 2009.
- Очерки истории российской внешней разведки. Т 4. 1941–1945. М. 2014.
- Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. М. 2003.
- Парсаданова В.С. Варшавское восстание. Движение Сопротивления в Польше. 1939–1945 гг. Направления. Программы. Практика. Результаты. Часть 1. Б./ м. 2018.
- Парсаданова В.С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М. 1982.
- Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Т. 1
- Печатнов В.О. Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. Т. 2. М. 2015.
- Печатнов В.О. На излете «Великого альянса»: Сталин, Трумэн и Черчилль в конце Второй мировой войны (по новым документам) // Новая и новейшая история. 2013. № 3.
- Польша в XX веке. Очерки политической истории. М. 2012.
- Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии. Документы, комментарии. 1941–1945. М. 2004.
- Русский архив. Великая отечественная. 14.3.(1). СССР и Польша. 3.(1). К истории военного союза. М. 1994.
- Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 — декабрь 1945. В трех томах. Т.1 Ч.1. Апрель 1943 — март 1944. Документы. М. 2018.
- Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941–1945. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании. Сб. док-тов. М. 1984.
- Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. В 2-х тт. Документы / Т. 1. 1944–1948 гг. Отв. редактор — Т.В. Волокитина. М. 1999.
- Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. Документы. М. 1999.
- Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы. Т. 2. 1944–1945. М. 1984.
- Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. М. 1983.
- Советско-польские отношения 1918–1945 гг. Сборник документов. В 4 т. Т. 4: 1939–1945. М. 2017.

- Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М. 2001.
- Armia Krajowa w dokumentach. 1939–1945.* T. V. Październik 1944 — Lipiec 1945. Wrocław–Warszawa–Kraków. 1991.
- Ciechanowski J.* Powstanie Warszawskie. Pułtusk. 2004.
- Cytowska-Siegrist E.* Stany Zjednoczone a Polska. 1939–1945. Warszawa. 2013.
- Devis N.* Europa walczy. 1939–1945. Nie takie prosto zwycięstwo. Kraków. 2008.
- Duraczyński E.* Polska. 1939–1945. Dzieje polityczne. Warszawa. 1999.
- Kersten K.* Między wyzwoleniem i zniewolnieniem // Polska. 1944–1956. Londyn. 1993.
- Kersten K.* Narodziny system władzy. Polska. 1943–1948. Lublin. 1989.
- Materski W.* Dyplomacja Polski “Lubelskiej”. Lipiec 1944 — Marzec 1947. Warszawa. 2007.
- Motyka G.* Na białych polaków obława. Wojska NKWD w walce z polskim podziemiem. 1944–1953. Kraków. 2014.
- Strzembosz. T.* Rzeczpospolita podziemna. Warszawa. 2000.
- Teczka specjalna J. W. Stalina.* Raporty NKWD z Polski. 1945–1946. Warszawa. 1998.